

УДК 81.33
ББК Ш1 (81)

Н.В. Карповская

К ВОПРОСУ О ПРАГМАТИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Исследуется влияние прагматических факторов на принятие переводческих решений. В центре внимания – понятие переводческой эквивалентности, прагматический потенциал языковых единиц и специфика прагматических отношений в процессе двуязычной коммуникации. Отстаивается позиция о том, что, несмотря на неизбежную субъективность при отборе языковых средств, перевод представляет собой объективный процесс, реализующийся под влиянием целого ряда как субъективных, так и объективных факторов, знание о которых может существенным образом облегчить задачу переводчику, который должен опосредовать систему прагматических координат отправителя и получателя текста.

Ключевые слова: *прагматический потенциал языковых единиц, детерминация переводческих решений, прагматическая эквивалентность, речевое воздействие, фактор субъективности.*

Карповская Наталья Валерьевна – канд. филол. наук, доцент кафедры романо-германской филологии факультета филологии и журналистики Южного федерального университета
Тел.: 8-928-214-84-57
E-mail: nat0208@donpac.ru, nkarpovskaya@sfedu.ru

В современных лингвистических исследованиях, посвященных проблемам перевода, немаловажное место отводится анализу тех прагматических факторов, которые оказывают наибольшее влияние на переводческий процесс. Подобное внимание к прагматической составляющей переводческой деятельности обусловлено тем, что для нее свойственна более сложная структура, чем для прагматики акта одноязычной коммуникации. Так, в переводе имеют место, как минимум, три прагматических отношения: ИТ (исходный текст) – отправитель и переводчик, ПТ (текст перевода) – переводчик и получатель, ИТ и ПТ – отправитель и получатель, т.е. для коммуникативных целей двуязычного речевого акта характерно дополнение в виде собственно переводческого компонента. Следовательно, при выявлении специфики прагматических факторов, детерминирующих переводческие стратегии и решения, важно иметь в виду, что адресант и адресат связаны друг с другом лишь опосредованно, через переводчика, который «соотнося объемы знаний у отправителя ИТ и у получателя ПТ, опосредует координацию их прагматик путем создания релевантного дифференциала прагматической идентичности» [Иовенко, с. 118]. Необходимость указанной координации не вызывает сомнений, так как главная причина непонимания при межкультурном общении, по мнению большинства авторов, заключается не в различии языков, а в различии национальных сознаний коммуникантов.

© Карповская Н.В., 2011 г.

При этом важно отметить, что прагматическая составляющая перевода подразумевает не только те моменты, которые связаны с экстралингвистическим аспектом коммуникативной деятельности и с особенностями взаимодействия коммуникантов в процессе языкового общения. Осуществление речевой коммуникации невозможно без использования собственно языковых средств. В связи с коммуникативной направленностью речевого акта значение той или иной языковой единицы представляет собой тот инструмент, с помощью которого мы совершаем действие, точнее, коммуникативное действие.

В свете подобного подхода интересна позиция М. Гейма, рассматривающего язык в качестве посредника, медиума, при помощи которого передается мысль. В статье, посвященной проблемам перевода, автор, предлагая исследовать взаимодействие «языка и мысли», приводит рассуждения чешского структуралиста Яна Мукаржовски, который разбирает данную проблему на примере другого вида искусства. Для того чтобы высечь фигуру из камня, утверждает он, скульптор руководствуется не только своим первоначальным замыслом, но и конкретными свойствами имеющегося у него материала: сопротивляемостью, твердостью и т.д. «Иначе говоря, медиум (материал) играет в процессе творчества активную роль и, в известном смысле, определяет конечный результат» [Гейм, с. 9].

Таким образом, если в качестве медиума у нас выступает язык, то при изучении прагматической детерминации перевода необходимо учитывать и характеристики прагматического потенциала языковых единиц ИТ, и особенности их передачи в процессе перевода. Подходя к использованию языковых единиц ИТ как к сознательной деятельности по выбору тех или иных средств, наиболее соответствующих для выражения интенций адресанта, надо иметь в виду, что при заданной коммуникативной ситуации одна и та же мысль (тема) будет по-разному выражаться различными авторами, неся на себе отпечаток субъективного выбора, основанного на мышлении автора, его вкусах, предпочтениях и т.п. Неслучайно З.Д. Львовская, рассматривая переводческую деятельность как специфический вид речевой коммуникации, подчеркивает, что переводчик, создавая ПТ, «исходит из концептуальной программы другого лица, что отличается от порождения текста на основе своей собственной концептуальной программы» [Львовская, с. 44].

В контексте вышесказанного интересно одно из положений знаменитого польского писателя-фантаста и философа С. Лема, которое нашло свое отражение в его трактате «Философия случая», посвященном проблемам литературы: «...литературный текст, как и любая другая артикуляция, полон пробелов, однако это в смысле теоретико-информационном и семантическом, а не в смысле “наглядности” и “схематизированных представлений”. Эти пробелы – не те, которым неизбежно подвержен язык: не результат беспечности или ограничений и недостаточного владения материалом. Они – результат творческих замыслов, креативной

тактики (тактики в смысле теории игр или теории кодирования и управления)» [Лем, с. 44].

Примечательно, что в процессе перевода *теория кодирования и управления* вполне соотносится с *теорией речевого воздействия*. А наш интерес к роли прагматического потенциала при принятии переводческих решений обусловлен, в первую очередь, признанием необходимости установления *прагматической эквивалентности* при переводе, являющейся неотъемлемой частью эквивалентности вообще, и, согласно позиции некоторых исследователей, управляющей всеми другими уровнями. Так, например, считает Л.В. Чичерина, полагая, что прагматическая эквивалентность охватывает коммуникативный эффект и установку автора. Кроме того, она подчеркивает тот факт, что «эквивалентный перевод невозможен без учета прагматических факторов» [Чичерина, с. 107 – 116].

Ведущее положение прагматической (коммуникативной) эквивалентности признает и В.Н. Комиссаров, отводя главную роль в установлении эквивалентных отношений между оригиналом и переводом цели коммуникации. Способ достижения равенства коммуникативного эффекта в ИТ и ПТ исследователь видит в прагматической адаптации текста при переводе, отмечая, что основу переводческой эквивалентности составляет общность сем, хотя далеко не все семы, имеющиеся в содержании оригинала, важны для данного акта общения. Задача переводчика, заключается именно в том, чтобы «сохранить коммуникативно релевантные семы» [Комиссаров, с. 125].

В переводоведческих работах встречается также понятие *прагматической адекватности* ПТ, под которой подразумевается способность данного текста быть прагматически полноценным заместителем ИТ в новой языковой среде [Цвиллинг, с. 120]. Что касается прагматической полноценности замещения, то в данном случае речь идет о пригодности перевода для выполнения функций оригинала в соответствующей ПТ языковой среде. В современных исследованиях понятия *адекватности и эквивалентности*, как правило, разграничиваются в связи с тем, что для прагматически адекватного текста необязательна высокая степень семантической точности.

Необходимо отметить, что *прагматическая составляющая* в понятие переводческой эквивалентности была введена Ю. Найдой, который на основании изменения коммуникативной ситуации, имеющего место при переходе от культуры ИТ к культуре ПТ, противопоставил *динамическую эквивалентность* *формальной эквивалентности* [Nida, p. 202]. Однако теория динамической эквивалентности, нацеленная, прежде всего, на реакцию получателей обоих текстов, оставляет в стороне другие аспекты прагматики, например, замысел автора ИТ, в котором, как полагает З.Д. Львовская, «коренится самая важная проблема коммуникативной эквивалентности в переводе: диалектическое противоречие, возникающее между верностью концептуальной программе автора ИТ и приемлемостью ПТ для принимающей культуры» [Львовская, с. 27 –

28]. В отличие от многих исследователей З.Д. Львовская, признавая, что перевод всегда должен быть коммуникативным, дифференцирует такие понятия, как *коммуникативная* и *прагматическая* эквивалентность. В своей работе «Современные проблемы перевода» она пишет о том, что коммуникативная эквивалентность может быть достигнута на разных уровнях: в одних случаях – это прагматический и семантический уровень, в других – только прагматический [Львовская, с. 81]. Таким образом, согласно ее точке зрения, эквивалентность двуязычной коммуникации не может быть достигнута без эквивалентности на прагматическом уровне, т.е. без учета прагматических факторов, влияющих на ИТ и ПТ.

Принимая во внимание факт неразрывной связи между прагматической эквивалентностью и достижением того *прагматического эффекта*, который соответствует коммуникативной интенции адресанта, следует признать, что без учета прагматического потенциала языковых единиц, задействованных в ИТ, трудно достичь того же эффекта воздействия с помощью ПТ. Это связано с тем, что прагматический эффект, или «эффект *целевого* действия и воздействия», *всегда* является намеренным. Отправитель высказывания, как уже отмечалось в нашей работе, в соответствии со своей *прагматической установкой* целенаправленно применяет особые приемы и проводит отбор специальных средств для воздействия на реципиента. Прагматический эффект ПТ можно считать достигнутым, если намерение адресанта в отношении адресата в полной мере реализуется в процессе перевода.

Поиск путей достижения прагматической эквивалентности в переводе предполагает комплексный междисциплинарный подход к решению поставленной задачи, так как «этнографические, психологические, социокультурные и другие экстралингвистические различия между коммуникантами могут быть столь велики, что попытка сохранить денотативное, сигнификативное, референциальное значение в переводе может привести не только к появлению нежелательных коннотаций, но и к существенному искажению или полному разрушению запланированного автором воздействия высказывания на слушателя» [Петрова, с. 153]. Представляется немаловажным, что вопросы *прагматической, коммуникативной, социокультурной компетенций переводчика и прагматические presupпозиции*, которые опираются на оценку переводчиком общего фонда знаний у отправителя ИТ и получателя ПТ, особенностей их мышления, характера и т.п., в свою очередь, тоже тесно связаны с проблемой определения прагматического потенциала языковых единиц ИТ и ПТ. Очевидно, что данный показатель является одним из основных при опосредовании прагматических координат исходного и переводного текстов.

Рассмотрим отрывок из романа И.С.Тургенева «Дым», где имеет место совместная реализация многочисленных языковых средств, обладающих различным прагматическим потенциалом:

«... но сойдясь и усевшись, решительно не знали, что сказать друг другу, и пробавлялись либо дрянненьким переливанием из пустого в по-

рожнее, либо затасканными крайне нахальными и крайне плоскими выходками давным давно выдохшегося французского экс-литератора в жидовских башмачонках на мизерных ножках и с презренною бородкой на паскудной мордочке, шута и болтуна.»

В тексте перевода, сделанном Ф.А. Фонсека, происходит искажение прагматического эффекта высказывания, как в связи с потерей авторских средств, так и в связи с их **заменой** (использованием единиц с другим прагматическим потенциалом):

«... pero una vez sentados no sabían qué decir, y mataban el tiempo hablando futilidades, riendo al recordar algunas frases, poco o nada correctas y hasta grotescas, de un ex literato de París, bufón y charlatán que gastaba una perilla poco poblada y viejas botas.»

Таким образом, в ПТ мы видим, что:

- 1) *дряньенькое переливание из пустого в порожнее* превратилось в *futilidades* (пустяки);
- 2) *затасканные крайне нахальные и крайне плоские выходки* стали *frases, poco o nada correctas y hasta grotescas* (фразы, корявые или совсем неправильные, вплоть до гротеска);
- 3) *жидовские башмачонки* обернулись *viejas botas* (старыми башмаками);
- 4) *презренная бородка* оказалась *una perilla poco poblada* (редкой бородкой).

Такие средства, как *выдохшийся, на мизерных ножках, на паскудной мордочке*, просто потеряны в ПТ, и в итоге остались только *шут и болтун* – *bufón y charlatán*. Представляется вполне очевидным, что потерянные конstituенты категории интенсивности не только играют большую роль в создании образности языка произведения, они отражают авторскую манеру повествования, свидетельствуют о темпераменте и индивидуальных языковых предпочтениях писателя. Кроме того, они участвуют в создании определенной эмоциональной атмосферы романа и активно воздействуют на читателя.

Как мы видим, при нарушении уровня допустимости переводческих трансформаций прежде всего разрушается *дифференциал прагматической идентичности*, в создании которого не последнюю роль играет прагматический потенциал языковых единиц ИТ и ПТ. Важно не только то, что мы говорим, но и как мы это делаем в процессе коммуникации. Именно поэтому при переводе необходимо учитывать и особенности национальной ментальности, и гендерно обусловленные психологические предпочтения, и, кроме того, множество различных литературных факторов, которые определяют специфику использования слова [Струкова, с. 308]. Любое отступление от эквивалентности, от языковых параллелей между ИЯ (*исходным языком*) и ПЯ (*языком перевода*) должно быть продиктовано объективной необходимостью достижения равноценности регулятивного воздействия ИТ и ПТ на своих адресатов, а не произволом переводчика. При этом не следует забывать и о том, что, если полная неопределенность в переводе означала бы переводческий произвол,

то полная определенность исключала бы свободу, возможность выбора средств и могла бы привести к буквализму.

Итак, в деятельности переводчика тесно взаимосвязаны факторы объективные и субъективные (творческие). При этом творческое начало в данном типе коммуникации может не только способствовать оптимальному решению переводческих задач, но и, как было показано выше, послужить причиной определенного *переводческого произвола*. Факторы, определяющие различную степень проявления творческого компонента в переводе, связаны с тем, что переводчик, осуществляя свою коммуникативную деятельность, является не только автором (вернее, соавтором) нового текста (ПТ), но и интерпретатором идеи автора ИТ. В контексте указанной проблемы представляет интерес серия статей, опубликованных в апреле – мае 2001 г. на сайте «Русского журнала» www.russ.ru. В самих названиях этих публикаций, представляющих собой интервью с несколькими ведущими российскими переводчиками, можно увидеть отражение тех проблем, которые выступают на первый план в процессе реализации творческого компонента в переводе, ср.: «Н. Мавлевич: “Перевод – мышление картинками”», «Н. Л. Трауберг: “У нас невозможно много людей без ремесла”», «Е.В. Витковский: “Точность в переводе невозможна”», «И. Волевич, С. Зенкин: “Хороший перевод – это незаметный перевод”» [Калашникова].

Примечательно, что все вышеуказанные переводчики солидарны в том, что доминирование творческого начала над «ремеслом» может отрицательно сказаться на качестве перевода, в плане его соответствия оригиналу. Так, Н.Л. Трауберг полагает, что «если переводчик, образно говоря, не убьет в себе себя, как иконописец убивает в себе живописца, он не сможет работать». И добавляет: «...Есть несколько типов переводчиков. Например, те, кто в переводе утверждают скорее себя, а не автора... Есть буквалисты. А есть те... кто растворяется в произведении.»

Сравним с позицией И. Волевича: «... Пастернак, на мой взгляд, слишком поэт сам, чтобы умереть в переводимом авторе», и Е.В. Витковского: «...чтобы писать художественную... прозу, у человека должна быть фантазия... Если ее нет, из человека получается идеальный переводчик. Если человек пишет хорошую прозу, возможно, из него получится интересный переводчик». А также с заключением Н. Мавлевича: «больше всего я бываю довольна таким переводом, когда... я не вижу в тексте себя», и С. Зенкина: «...хороший перевод имеет тенденцию исчезать, ступшеываться перед оригиналом; хороший перевод – это незаметный перевод, а всякого рода переводческий блеск обычно и представляет собой творчество переводчика, а не автора текста».

Можно выделить и некоторые другие моменты указанных интервью в связи с исследованием прагматической составляющей переводческой деятельности. Прежде всего, следует сказать о влиянии на переводчика атмосферы переводимого им произведения, ср.: «влияет – в том же смысле, в каком на актера влияет роль, которую он разучивает» (И. Волевич), «когда я переводил католическую трилогию Вондела, то понял, почему

Шаляпин постился и молился перед исполнением роли Мефистофеля» (Е.В. Витковский), или «... переводчик в себе ищет слова для героев, на себя примеривает их чувства, побуждения.» (Н. Мавлевич).

Не подвергая сомнению неизбежную субъективность, проявляющуюся в процессе отбора варианта перевода, а также, несмотря на наличие целого спектра решений, которые могут быть приняты переводчиком в процессе его коммуникативной деятельности, мы полагаем, что перевод представляет собой объективный процесс, который подчиняется объективным законам, реализующимся под влиянием целого ряда как субъективных, так и объективных факторов. Знание этих законов и сведения об этих факторах могут существенным образом облегчить переводчику процесс выбора при принятии того или иного решения. В первую очередь, это относится к выявлению прагматических факторов перевода и определению прагматического потенциала языковых единиц ИТ, так как самое главное в переводе (и в этом трудно не согласиться с Н. Мавлевич) – достичь ту степень «свободы и точности», которая «обеспечит адекватность ассоциаций». Что же касается тех моментов, которые обуславливают общую стратегию переводчика, то они тесно связаны с коммуникативной деятельностью других участников двуязычной коммуникации, результирующая языковая форма которой, а также способ вербализации, напрямую зависят от релевантных для данного контекста фоновых знаний автора ИТ и адресата ТП, их индивидуального опыта и текущего контекста.

Литература

Гейм М. О переводе дословном и вольном. Прагматический подход к теории перевода // Альманах переводчика. М., 2001.

Иовенко В.А. Теоретический курс перевода. Испанский язык. М., 2005.

Калашникова Е. Интервью с российскими переводчиками // Русский журнал: электронное издание. <http://www.russ.ru>, 2001.

Комиссаров В.Н. Теория перевода. М., 1990.

Лем С. Философия случая. М., 2005.

Львовская З.Д. Современные проблемы перевода. М., 2008.

Петрова О.В. Семантика, прагматика, коммуникативная значимость (переводческий аспект проблемы) // Прагматические аспекты функционирования языковых единиц. М., 1991.

Струкова Т.Г. Литературная мозаика. Воронеж, 2005.

Тургенев И.С. Дым. М., 1973.

Цвиллинг М.Я. Некоторые положения теории перевода и их место в преподавании иностранного языка научным работникам // Методика и лингвистика. Иностраный язык для научных работников. М., 1981.

Чичерина Л.В. Учет прагматических факторов в процессе перевода // Коммуникативные и прагматические компоненты в лингвистическом исследовании. Воронеж, 1995.

Nida E.A., Taber C. The Theory and Practice of Translation. Leiden, 1969.

Turgeniev I.S. Humo / пер. Ф. Алтед Фонсека. Madrid, 1971.